

Genesis: исторические исследования

Правильная ссылка на статью:

Сушков А.В., Бедель А.Э., Пьянков С.А. — Индустрия роскошной жизни: к вопросу о коррупционных взаимоотношениях руководителей уральских партийно-государственных структур и хозяйственных организаций в 1930-е годы // Genesis: исторические исследования. – 2019. – № 8. DOI: 10.25136/2409-868X.2019.8.30518 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30518

Индустрия роскошной жизни: к вопросу о коррупционных взаимоотношениях руководителей уральских партийно-государственных структур и хозяйственных организаций в 1930-е годы

Сушков Андрей Валерьевич

кандидат исторических наук

старший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук

620990, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16

✉ suschkow@mail.ru



Бедель Александр Эмануилович

кандидат исторических наук

старший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук

620990, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16

✉ bedel54@mail.ru



Пьянков Степан Александрович

кандидат исторических наук

старший научный сотрудник, Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук

620990, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16

✉ kliostefan@mail.ru



[Статья из рубрики "История и политика"](#)

Аннотация.

Предметом исследования являются коррупционные практики партийных и хозяйственных руководителей на Урале в период индустриализации СССР в 1930-е гг. В статье на основе документов органов партийного контроля рассмотрены факты незаконного расходования финансовых и материальных ресурсов в личных целях. Актуальность исследования обусловлена возможностью более глубокого понимания причин репрессий 1930-х гг. по отношению к региональному руководству и крупным хозяйственным управленцам. Вновь введенные в научный оборот исторические источники позволяют конкретизировать и уточнить данные о факторах, способствовавших отставанию строительства ряда крупных промышленных предприятий, а также жилья для рабочих и объектов культурно-бытового назначения в промышленных центрах Урала. Описательный метод предоставил возможность продемонстрировать детали

коррупционных взаимоотношений руководителей партийных структур и руководства ряда промышленных предприятий. Историко-генетический метод позволил реконструировать и конкретизировать обстоятельства срыва строительства ряда важных промышленных объектов, уточнить причины тяжелейшего материально-бытового положения рабочих крупных промышленных строек Урала в период индустриализации. Новизна заключается в проведении специального научного исследования, посвящённого коррупционным связям партийной номенклатуры и хозяйственных руководителей. Исторические исследования, посвящённые истории индустриализации Урала в 1930-е гг., подобные аспекты не рассматривали. В заключении сделан вывод о том, что незаконные действия хозяйственных и партийных руководителей шли вразрез с провозглашаемым советской пропагандой образом коммуниста, с идеями равенства и справедливости, наносили непоправимый репутационный урон, дискредитировали советскую систему власти в целом.

Ключевые слова: индустриализация, история промышленности, коррупция, хозяйственные преступления, Свердловск, Урал, Иван Кабаков, партийно-государственная система власти, управленческие практики, рабочие

DOI:

10.25136/2409-868X.2019.8.30518

Дата направления в редакцию:

12-08-2019

Дата рецензирования:

13-08-2019

С вступлением Урала в эпоху индустриализации на его территории началось возведение сотен промышленных предприятий, среди которых были металлургические и машиностроительные гиганты, создавались новые отрасли промышленности, коренной реконструкции подвергались старые заводы. На создание новой индустрии государство выделяло огромные финансовые ресурсы. Со временем Урал стал главным или одним из основных поставщиков оборудования для металлургической, угольной и нефтяной промышленности, металлопроката, металлоконструкций, труб, вагонов, тракторов и других машин.

Несмотря на очевидные положительные результаты, процесс индустриализации сопровождался многочисленными негативными явлениями. Имели место значительные диспропорции в развитии отраслей экономики. Не получила должного развития социальная инфраструктура уральских промышленных центров.

Индустриализации на Урале, её причинам и итогам, отдельным её аспектам посвящена значительная историческая литература [\[2, с. 549-600\]](#) [\[3\]](#) [\[5\]](#) [\[6, с. 162-175\]](#) [\[10\]](#) [\[11\]](#) [\[12, с. 207-254\]](#) [\[13\]](#) [\[14, с. 214-330\]](#). Экономический аспект этого процесса достаточно подробно разработан в исторических исследованиях. Чего нельзя сказать о политических

процессах, протекавших в этот период. В частности, одной из проблем, недостаточно изученных в настоящее время и потому весьма актуальных, являются причины репрессий по отношению к руководителям хозяйственных организаций и к партийному начальству Уральского региона, тех, под чьим руководством велись крупнейшие стройки Урала в период индустриализации.

Принято считать, что все репрессированные в это время руководители многочисленных предприятий и строек, а также крупные партийные управленцы пострадали незаслуженно и были наказаны по надуманным обвинениям. Возникает вопрос: почему в самый разгар строительства советской индустрии были обескровлены властные структуры и выбиты лучшие кадры управленцев? Полагаем, что эта проблема заслуживает пристального внимания и детального изучения.

Грандиозные преобразования пришлись на время руководства регионом члена ЦК ВКП(б) Ивана Дмитриевича Кабакова. Будущий руководитель области родился в 1891 г. в крестьянской семье вдали от Урала – в деревне Княж-Павлово Княжинского уезда Нижегородской губернии. Там же окончил церковно-приходскую школу, безуспешно пытался учиться в местном министерском училище, в 1913 г. устроился слесарем на Сормовский завод Нижнего Новгорода. Более успешно для Ивана Кабакова складывалась партийная и революционная деятельность. Октябрьская революция вознесла слесаря во властные структуры Нижнего Новгорода и губернии, в гражданскую войну в качестве командира отряда Красной гвардии он участвовал в боевых действиях в районе Воронежа, после чего остался в Воронеже председателем горсовета и горисполкома. Начиная с 1921 г. Кабаков находился на ответственной партийной работе: работал председателем комиссии по пересмотру, проверке и очистке партийных рядов в Башкирской АССР, в 1922 г. был назначен сразу ответственным секретарём Ярославского губкома РКП(б), с 1924 г. работал в Тульском губкоме РКП(б): пару месяцев – заведующим орготделом, затем – ответственным секретарём. На Урал, в Свердловск И. Д. Кабаков приехал лишь весной 1928 г. в качестве председателя Уральского облизполкома, а в начале следующего 1929 г. занял место первого секретаря обкома ВКП(б). Площадь Уральской области, «партийным губернатором» которой стал Кабаков, была больше площади Германии, Франции, Италии и Англии вместе взятых. В январе 1934 г., когда огромная, трудноуправляемая Уральская область была разукрупнена, Кабаков возглавил Свердловский обком ВКП(б).

В двадцатых числах мая 1937 г. И. Д. Кабаков был арестован. Суд над ним состоялся в Москве 3 октября 1937 г. Военная коллегия Верховного суда СССР признала его виновным в том, что, «являясь одним из руководителей антисоветской террористической организации правых, проводил вредительскую и диверсионную работу по подрыву народного хозяйства Свердловской области и руководил подготовкой террористических актов над руководителями Советского правительства и ВКП(б)», то есть в преступлениях, предусмотренных статьями 58–7, 58–8 и 58–11 Уголовного кодекса РСФСР. Кабаков был приговорён к высшей мере наказания. Согласно документам следственного дела, приговор о расстреле был приведён в исполнение 30 октября 1937 г. [\[7, с. 53-54\]](#) [\[9, с. 45-46\]](#) [\[4, с. 464-465\]](#) [\[4, с. 491\]](#).

Попытаемся разобраться, в чём заключались причины смещения, ареста и последующего расстрела некогда успешного видного регионального партийного руководителя. Были ли эти причины исключительно политическими, как сказано в приговоре, или для этого имелись какие-то дополнительные, не столь явные обстоятельства. Для этого мы обратимся к ранее не введённым в научный оборот документам органов партийного

контроля.

Руководство страны позаботилось о создании для работников местных партийно-государственных структур системы льгот и привилегий, которая должна была обеспечить благоприятные материально-бытовые условия для этих работников, включая организацию их отдыха и медицинского обслуживания. Для этих целей в Уральской области в начале 1930-х гг. были организованы хозяйственные управления при облисполкоме и горисполкомах и лечебные комиссии при обкоме и горкомах партии. Из средств, которыми располагали хозупры и лечкомиссии, так называемому партийному и хозяйственному активу выплачивались денежные пособия на отдых и лечение, было организовано их продовольственное обеспечение. Ввиду нехватки в местных властных структурах средств, поначалу не возбранялось, если для осуществления этих задач в какой-то мере привлекались дополнительные материально-финансовые ресурсы. Однако чем это в итоге может обернуться, если судить по последовавшей реакции высшего руководства, «наверху» даже не предполагали.

Хозяйственное управление Уральского (Свердловского) облисполкома получало миллионы руб. из областного бюджета. Тем не менее, средства, выделяемые в официальном порядке, какими бы огромными они ни были, не удовлетворяли в полной мере материально-бытовые запросы областного начальства. Важнейшим источником поступления денежных средств и материальных ресурсов в хозупры и лечкомиссии всех уровней власти являлись многочисленные хозяйственные организации и государственные учреждения, расположенные на подведомственной Уральскому (Свердловскому) обкому ВКП(б) территории.

На протяжении трёх лет хозяйственное управление облисполкома под различными предложениями (проведение совещаний и мероприятий, улучшение быта партактива и т. д.) получало средства от хозяйственных организаций. По приблизительным подсчётам партконтроля, за 1933 г. в распоряжение областного хозупра поступило почти 700 тыс. руб., за первое полугодие 1934 г. – без малого 284 тыс. руб. Среди организаций, выделивших наибольшие суммы в первом полугодии 1934 г., по данным партконтроля и областной прокуратуры, были: Востокосталь – 40 тыс. руб., Уралцветмет – 34 тыс. руб., Уралосновхим (Союзное объединение основной химической промышленности на Урале, куда входили около десятка химических заводов и комбинатов, а также горных предприятий и институт «Унихим») – 30 тыс. руб., областное земельное управление – 34 200 руб., Уральский облпрофсовет – 35 тыс. руб., Свердснабсбыт и аппарат уполномоченного Наркомтяжпрома – по 20 тыс. руб., лечкомиссия – 14 тыс. руб., Хлебострой – 12 тыс. руб., Союзасбест – 10 тыс. руб., Уралмедторг и Союзмука – по 8 тыс. руб. Были обложены «данью» даже такие учреждения, как облсобес, Госарбитраж и издательство «Уральский рабочий». В списке из трёх десятков организаций значились также Уралмаш, Уралэнерго и ВИЗ, однако суммы, ими внесённые, не указаны. Вполне вероятно, что эти предприятия расплачивались иными способами. Как, к примеру, Эльмашстрой, который должен был перечислить 14 400 руб., а откупился недостроенным домом [\[8, с. 100–101\]](#).

При этом лишь один управляющий Уралосновхимом В. И. Воропаев счёл нужным подстраховаться, заручившись разрешением от заместителя наркома тяжёлой промышленности С. А. Ратайчака. Остальные действовали по собственному разумению. К примеру, в Союзасбесте деньги были изъяты из премиального фонда, в Союзмуке – из сверхплановых прибылей [\[8, с. 101\]](#).

За передачу областному хозупру денежных средств и материальных ресурсов

руководители хозяйственных организаций получали «откаты» – возможность с семьями бесплатно проживать на элитных дачах и в домах отдыха, пользуясь всеми благами наряду с партийной и советской элитой. Так, директор облнарпита Гендель, снабжавший номенклатурные столовые продуктами, отоваривался со склада хозупра и бесплатно проживал в Шарташском доме отдыха. Работники Востокостали предоставляли материалы и денежные средства, за это бесплатно получали от хозупра продукты. Управляющий Свердловским отделением Комбанка беспартийный Казанцев за незаконное предоставление ссуд был прикреплен к столовой руководящего партийного актива, пользовался дачей на Шарташе и получал продукты на дому [\[8, с. 101-102\]](#).

Денежные и материальные ресурсы хозяйственных организаций и различных государственных учреждений являлись, судя по документам, основной статьёй дохода для городских хозупров и лечкомиссий.

Руководители Свердловска прекрасно осознавали, что предпринятое ими строительство дома отдыха для партноменклатуры на Чусовском озере не обеспечено ни финансовыми ресурсами, ни строительными материалами. Собрать необходимые средства они планировали с подведомственных городских хозяйственных и советских организаций, коих насчитали 84. По предварительным прикидкам, предполагалось получить с них в общей сложности более полумиллиона руб. (566 800 руб.). Хозяйственников вызывали в Свердловский горком к инструктору горкома и по совместительству председателю лечебной комиссии Н. П. Масленникову или его заместителю Гончарову и уговаривали их перечислить нужные суммы в горлечкомиссию. Партийное начальство заранее заготовило бланки поручений в коммунальный банк, где требовалось лишь поставить денежную сумму и расписаться. Хозяйственников приглашали также на специально устроенные вечера со спиртным, где в произносимых тостах призывали помочь «хорошему делу». Взамен обещали места в домах отдыха, путёвки на южные курорты и денежные пособия [\[18, л. 62, 197-198\]](#) [\[18, л. 251-252\]](#).

И деньги пошли. Наиболее крупные средства перечислили Уралбродтрест – 27 тыс. руб., Свердловпромторг – 13 тыс. руб., Свердловлес – 10 тыс., Свердловпищеторг – 5 тыс. руб. Но гораздо большие суммы перечислили организации союзного значения, такие как Уралхиммашстрой в лице директора Тарыгина – почти 310 тыс. руб., Уралэнерго (помощник управляющего Львов) – 170 тыс., завод «Металлист» (директор Миков) – почти 150 тыс., Востокоруда (заместитель управляющего Иванов) – 37 тыс. [\[18, л. 250-251\]](#).

Всего, по подсчётам партконтроля, только с городских хозяйственных организаций и различных учреждений удалось собрать 263 тыс. руб., не считая финансовых средств, перечисленных Уралхиммашстроем, Уралэнерго, заводом «Металлист» и Востокорудой [\[18, л. 250-251\]](#).

Некоторые организации расплачивались имевшимися материальными ресурсами. Так, облснаб, горснаб, горнарпит поставляли продукты питания. Завод «Металлист» передал в распоряжение горлечкомиссии алебастр, железо, стекло, бензин и различное оборудование общей стоимостью почти 13 тыс. руб. Силами завода были проведены большие работы по строительству Чусовского дома отдыха на сумму более 23 тыс. руб. [\[18, л. 217\]](#) [\[18, л. 250\]](#).

Если в Свердловске список предприятий, организаций и учреждений, с которых предполагалось собирать денежные средства, состоял из 84-х пунктов, то в Перми в подобный список вошли около 110 организаций. Каждой из них, в зависимости от

«мощности», настойчиво предлагалось передать горкому или лечкомиссии сумму от 2-х до 16-ти тыс. руб. Переговоры на эту тему с хозяйственниками вёл секретарь лечкомиссии А. С. Тимофеев. Руководителей крупных организаций, а также тех, кто не соглашался либо согласился, но задерживался с перечислением, вызывали в Пермский горком ВКП(б) к заведующему культпропотделом К. М. Трубину, заместителю секретаря горкома А. И. Старкову или в кабинет самого секретаря горкома И. Н. Корсунова [\[17, л. 208\]](#) [\[17, л. 252\]](#) [\[17, л. 258\]](#) [\[17, л. 267\]](#) [\[17, л. 310-311\]](#) [\[17, л. 318\]](#).

Всего за 1933-й и половину 1934 г. горкомом и лечебной комиссией таким образом было собрано около 740 тыс. руб. Деньги собирались в том числе с крупных предприятий оборонного значения, таких как завод № 19 (21 000 руб.), завод имени Дзержинского (18 200 руб.), Комбинат «К» (пороховой завод) (11 000 руб.). Не остались в стороне другие пермские заводы, тресты, хозяйства, многочисленные торгово-снабженческие организации, из которых наиболее крупные суммы внесли: завод «Красный Октябрь» (14 400 руб.), суперзавод (суперфосфатный завод) (27 641 руб.), Пермгражданстрой (22 730 руб.), Уралзападолес (12 000 руб.), Камлесосплав (12 500 руб.), Уралэнерго (почти 14 000 руб.), Пермодежда (12 343 рубля), Уралторг (11 000 руб.), хлебозавод (14 080 руб.), нарпит (13 460 руб.). Правда, находились и те, чьё начальство явно саботировало указания городских властей: судозавод и Востокосантехстрой сдали всего лишь по 200 руб., Союзстрой – 350 руб., Заготзерно и Востокостроймеханизация – по 500 руб., завод «Красный партизан» – 600 руб. Однако таковых насчитывалось не много, подавляющее же большинство расстались с суммами от тысячи и выше. Приходилось раскошелиться, порой на весьма крупную сумму даже таким организациям, как городская детская комиссия, психолечебница, городское общество помощи инвалидам войны, гороно, горздрав, гортоп, отделы милиции, трудовая колония, госуниверситет, пединститут, мединститут, сельхозинститут, индустриальный рабфак, речной техникум, коммунально-строительный техникум, Высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа, школа ФЗУ станции Пермь I, Дом колхозника, сберкасса, страхкасса и другие [\[17, л. 8-15\]](#) [\[17, л. 252-253\]](#). Городской финотдел, начальника которого обрабатывал замсекретаря Старков, только в 1934 г. перечислил горкому и лечкомиссии в общей сложности 106 000 руб. Правда, в предыдущем 1933-м, когда Старков ещё не занимал столь высокую должность, эта цифра была ещё выше – 130 100 руб. [\[17, л. 15\]](#).

Руководители организаций списывали перечисляемые суммы с различных статей расходов. Так, завод № 10 имени Дзержинского снял деньги с общезаводских расходов и фондов техпропаганды; заводы № 19 и «Красный октябрь» – с общезаводских расходов; Камводнарпит – записал на счёт потерь текущего года; Пермская городская детская комиссия и районное отделение связи – на счёт административно-управленческих расходов; Торгсин – общеторговых расходов; горпотребсоюз и горкомхоз – на счёт разных доходов и убытков; Автогужтрест – на счёт фонда улучшения быта рабочих; Союзтранстрой – на счёт случайных расходов и убытков [\[17, л. 289-290\]](#).

Не только на область, на всю страну, благодаря публикациям в «Правде» прославился Надеждинский (Кабаковский) хозупр своими спекулятивными операциями. Секретарь горкома ВКП(б) Михаил Афанасьевич Жданов принял самое непосредственное в них участие. Именно Жданову удалось бесплатно взять с Сосьвинского строительства 1,2 тонны гвоздей и посредством хозупра продать их тресту «Нарпит» и управлению Богословско-Сосьвинской железной дороги на общую сумму в 5881 руб. При этом фактическая стоимость гвоздей составляла около 1000 руб. [\[16, л. 101\]](#) [\[16, л. 111\]](#) [\[16, л. 129\]](#).

Вскоре у городского начальства появилась ещё одна возможность подзаработать. Хозупру ЦИК СССР для каких-то целей понадобились сотни тонн чугуна, и с этой просьбой он обратился к председателю Уральского облизполкома М. К. Ошвинцеву, который дал соответствующее задание заведующему хозупром облизполкома Капуллеру, а последний вышел на надеждинского секретаря Жданова. Секретарь горкома договорился о получении с металлургического завода 225 тонн чугуна стоимостью без малого 20 000 руб. Деньги за чугун завод не получил и списал их как безнадёжную задолженность. А нажился на махинациях вновь Надеждинский хозупр, который получил от Капуллера за чугун 1676 руб. и ещё на 12 352 руб. муку, икру, масло, колбасу, консервы, фрукты, коньяк и т. д. Продукты поделило между собой городское начальство [\[16, л. 66\]](#) [\[16, л. 101\]](#) [\[16, л. 111\]](#) [\[16, л. 129\]](#).

ОРС металлургического завода регулярно поставлял в магазин партактива продукты из фондов рабочего снабжения, снижая их себестоимость, а то и вовсе бесплатно. В ноябре 1933 г. ОРС отпустил продуктов на 16 тыс. руб., включая муку и консервы, в марте 1934 г. – 100 килограммов крупы, 80 килограммов сахара. В апреле 1934 г. ОРС выдал мяса 1250 килограммов, масла – 50 килограммов, молока – 1881 литр, сахара – 300 килограммов. Между тем, весь завод в апреле получил менее 10 000 килограммов мяса и сумел обеспечить им, и то не полностью, лишь рабочих горячих цехов, молоко даже горячие цеха получали значительно меньше потребностей и с большими переборами, а масла рабочие не увидели совсем [\[16, л. 55\]](#) [\[16, л. 101\]](#) [\[16, л. 111\]](#).

Большие денежные суммы Надеждинский (Кабаковский) хозупр получал от хозяйственных организаций: тот же металлургический завод выделил 17 800 руб., лесотдел Востокостали – 18 000 руб., Стальстрой – 5000 руб. и т. д. Всего собрали 57 100 руб. [\[16, л. 102\]](#) [\[16, л. 112\]](#).

Разумеется, руководители предприятий и организаций, оказывавших услуги партийному начальству, внакладе не оставались. «Откаты» в виде путёвок в закрытые санатории, допуск к «барскому столу», проживание на элитных дачах и домах отдыха и прочие номенклатурные радости – далеко не единственное, что они получали от сотрудничества с местными партийными инстанциями. Главное – они чувствовали себя полноправными хозяевами в своих «владениях», всю пользовались государственными ресурсами в личных целях, устраивали свои порядки и расправлялись с неугодными. Они могли не опасаться, что жалобы на них пойдут в партийные инстанции, ведь там, в этих инстанциях, сидели «свои», давно уже «прикормленные» начальники. Подобных примеров взаимовыгодного «сотрудничества» властных структур и хозяйственников было немало. Свердловскому партконтролю удалось за достаточно короткий срок задокументировать многочисленные проявления такого «сотрудничества» за государственный счёт.

Партком Управления Пермской железной дороги был осведомлён о коррупционных действиях руководителей дороги. Однако партийные работники «кормились» с рук железнодорожного начальства – получали бесплатное или льготное питание и дополнительные денежные выплаты, а потому не имели никакого желания проявлять «политическую бдительность» и демонстрировать «большевистскую самокритику» и принципиальность. Не случайно секретарь парткома Сендорович сколько мог игнорировал указания партконтроля о необходимости проверки хозяйственных структур при управлении дороги. А когда, наконец, направился с этим вопросом к заместителю начальника дороги С. Ф. Наумову, то в ответ услышал: «Для чего и кому это нужно? Вы ещё, пожалуй, будете проверять секретные лечебные фонды». Примерно в том же ключе

Наумов разговаривал с контролёром партконтроля, когда речь зашла о проверке лечебного фонда: «Дать справку об источниках средств для этой цели я разрешу. Но какое отношение вы имеете к проверке расходования этих средств, когда начальник дороги отчитывается в них только перед наркомом?» [\[19, л. 20-21\]](#) [\[19, л. 127\]](#).

Главному железнодорожному начальству было что скрывать. Как выяснилось, только за первое полугодие 1934 г. из средств, находившихся в распоряжении начальника дороги И. Н. Миронова, 300 тыс. руб. было направлено на строительство дома отдыха во Вьюхино, 85 тыс. получили профсоюз и другие «общественные организации» на проведение различного рода кампаний и мероприятий, и почти 440 тыс. руб. были затрачены непосредственно на обслуживание руководства дороги – лечебные пособия, медицинское обеспечение, улучшенное питание и проживание в домах отдыха. Во втором полугодии на обслуживание командного состава дороги было запланировано потратить 300 тыс. руб. Ответственным за обслуживание комсостава был назначен начальник административного отдела управления дороги член ВКП(б) П. Ф. Калмыков. Помогал ему в этом деле его заместитель Н. П. Вольхин – член парткома управления дороги. Дом отдыха во Вьюхино (располагался в нескольких десятках километров юго-восточнее Свердловска) предназначался для высшего командного состава. Для отдыха железнодорожных начальников на большие суммы закупались различные коньяки, ликёры, вина и водка, шоколад, ирис и трюфеля, мандарины, печенье, дорогостоящие папиросы. Ради увеселения начальства был приобретён патефон. Наибольшие суммы тратились на обслуживание заместителя начальника дороги Наумова, начальника паровозной службы Лазарева, начальника службы эксплуатации Левенгофа и самого Калмыкова. Штат obsługi начальников и их жён доходил до 33 человек, не считая найма рабочих для распилки дров, работы на огороде и т. д. Фактически финансовая отчётность отсутствовала, деньги текли рекой [\[19, л. 28-36\]](#) [\[19, л. 215\]](#).

В июне 1933 г. при административном отделе по распоряжению начальника дороги была организована продуктовая кладовая, под предлогом необходимости лучшего снабжения тех, кто командировался на линию, и для обслуживания совещаний при начальнике дороги. Постепенно эта кладовая превратилась в крупную базу, через которую за год прошли: почти 14 тонн муки (по другим документам – 19 тонн); 1,7 тонны крупы; 2,7 тонны сахара; почти полтонны масла; более 1,5 тонн мяса; более полтонны различной рыбы и отдельно без малого 350 килограммов сельди; 4833 банки консервов; 200 килограммов растительного масла; 73 килограмма чая и 20 тыс. пачек папирос. Пополнение кладовой проводилось дорожным ОРСом вне всяких норм за счёт фондов централизованного рабочего снабжения, а расходы велись по усмотрению Калмыкова, его заместителя Вольхина, а также работников кладовой. В первую очередь продукты отпускались секретариату при начальнике дороги и в служебные вагоны, когда начальство выезжало на линию. Но пользовались кладовой и те работники управления дороги – начальники и рядовые исполнители – кто никуда не выезжал. К тому же имевшие доступ к кладовой Калмыков, Вольхин, заведующий кладовой Мордаков и его помощник Рубцов подделывали требования на выдачу продуктов и присваивали себе мясо, мясные консервы, балык, сливочное масло и другие строго нормированные продукты, а также папиросы высших сортов. Кроме кладовой при административном отделе были организованы две специальных столовых: одна обслуживала только высший командный состав, другая – средний комсостав и партактив. На обе столовые только за первые восемь месяцев 1934 г. было израсходовано более 200 тыс. руб. [\[19, л. 25-28\]](#) [\[19, л. 109\]](#) [\[19, л. 119\]](#) [\[19, л. 121\]](#) [\[19, л. 170\]](#).

Огромные суммы тратились и на выдачу руководящим работникам управления дороги

денежных пособий. Несмотря на то, что размер пособия был лимитирован 600 руб., установленные правила не соблюдались и некоторые получали значительно больше. Тот же начальник службы эксплуатации Левенгоф получил 1800 руб., начальники отделений службы эксплуатации Гримов и Лаврентьев, начальник материальной службы Акимов и начальник финансового отдела Зыбко получили по 1100 руб., заместитель начальника отделения электрификации Меерсон – 1000 руб. Выдавались деньги и тем, кто не числился в списках на получение. Партийных начальников тоже не забыли: более 17,6 тыс. руб. получил в своё распоряжение политотдел дороги. Всего за неполный 1934 г. было выдано более 90 тыс. руб. Притом что был допущен значительный перерасход средств (за год на эти цели предполагалось потратить «только» 52 тыс. руб.), линейные работники, то есть те, кто не работал в управлении дороги – начальники отделов эксплуатации и паровозного хозяйства, начальники дистанций пути, вагонных участков и крупных узлов, дистанций связи, – не получили ни копейки из полагающихся им выплат. Зато получила их секретарь Калмыкова – Иванова, которая ходатайствовала о денежной помощи ввиду кражи из её квартиры имущества и денег. Под этим предлогом Иванова неоднократно получала деньги из разных источников, однако выяснилось, что никакой кражи в её квартире не было, а Иванова таким способом, несмотря на большую ежемесячную доплату к основной зарплате, улучшала своё благосостояние. Собственно, даже не бедствовавшие жёны железнодорожных начальников – Наумова и Лазарева – продавали во Вьюхинский дом отдыха продукты – десятки килограмм муки, килограммы масла и сахара, за которые получали наличные денежные средства (вероятнее всего, источником этих продуктов служила всё та же кладовая при управлении дороги). Работники столовых и домов отдыха тоже зарабатывали как могли: подделывали счета, покупали по явно завышенным ценам у «своих людей» продукты питания и попросту занимались хищениями [\[19, л. 19–25\]](#) [\[19, л. 30–31\]](#) [\[19, л. 117–119\]](#) [\[19, л. 150–151\]](#) [\[19, л. 172–173\]](#).

В коррупционные взаимодействия с властными структурами были вовлечены весьма крупные управленцы-хозяйственники. Управляющий трестом «Востокосталь» Яков Павлович Иванченко обильно спонсировал как руководящую верхушку области, так и местный партаппарат. Только в 1934 г. Востокосталь выплатила секретарю Нижнетагильского горкома ВКП(б) М. В. Кузнецову 3200 руб., одарила его часами фирмы «Павел Буре» и фотоаппаратом. Секретарь Чусовского горкома Мальцев получил 1700 руб. и фотоаппарат; секретарь Кушвинского райкома Поздняков – 500 руб., фотоаппарат и часы фирмы «Мозер»; секретарь Нижнесалдинского райкома Богачёв – 500 руб. и фотоаппарат; секретарь Первоуральского райкома Чернецов – 500 руб., часы «Павел Буре» и фотоаппарат; секретарь Кабаковского райкома Спилов – 500 руб. 35 тыс. руб. Востокосталь перечислила Надеждинскому горкому ВКП(б). Фотоаппараты за счёт треста были преподнесены председателю Свердловского облизполкома Головину и его челябинскому коллеге Советникову. Всего на денежные выплаты различным работникам трест израсходовал более 260 тыс. руб., на вечера и банкеты – почти 24 тыс. руб. Востокосталь приплачивала, вероятно – за какие-то услуги, даже работникам НКВД: сотрудник Конголь получил тысячу руб., а начальник спецссылки Мовшензон – легковой автомобиль.

Заплатив «дань», Я. П. Иванченко получал возможность направлять огромные ресурсы Востокостали на удовлетворение материальных запросов, как собственных, так и своего ближайшего окружения. А запросы эти были немалыми. Управляющий трестом имел в Госбанке личный счёт, по которому только за 10 месяцев 1934 г. израсходовал более 145 тыс. руб. Из средств Востокостали на содержание дач управляющего и двух его заместителей на Балтыме за полгода было потрачено 230 тыс. руб. Ещё 100 тыс. было

выделено на строительство шоссе к дачам. Руководители и служащие центрального аппарата Востокостали из числа приближённых менее чем за год получили в виде денежных выплат как минимум 214 тыс. руб. (по результатам проверки только двух фондов) – это больше, чем получили все работники многочисленных предприятий Востокостали (189 810 руб.). Заместитель Иванченко – Седашёв получил пособий на 3,5 тыс. руб., к тому же был премирован личной автомашиной, получил дефицитные и недешёвые в то время фотоаппарат, радиоприёмник и велосипед. Коммерческий директор треста Кошлаков получил 1,5 тыс. руб. пособий, радиоприёмник и велосипед. Технический директор Беликов был премирован автомобилем и получил 2000 руб. пособий. Московскому представителю треста Гальперину было выплачено 5800 руб. различных пособий и премий. Управляющий делами Новокшёнов за неполный год получил более двух тыс. руб., двое часов, фотоаппарат и велосипед. Кроме того, с него было списано подотчётных, но не оправданных документами, более семи тыс. руб. [\[20, л. 24-25\]](#) [\[27, л. 1-10\]](#).

Уполномоченный Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Свердловской области Л. А. Папардэ, чей аппарат в 1934 г. выявил многочисленные коррупционные преступления, писал в Москву: «Ввиду того, что факты небольшевистского отношения к расходованию государственных средств, особенно по спецфондам, являются не единичными, а вошли в повседневную практику и быт Востокостали и его предприятий, и что они обусловлены бесконтрольностью и либеральным отношением со стороны аппарата Наркомтяжпрома к подобному рода нарушениям финансовой дисциплины, считаю необходимым, чтобы КПК своим решением ударило по этим нездоровым явлениям, тем более, что они присущи не только Востокостали» [\[20, л. 24\]](#).

Однако ни суды над некоторыми зарвавшимися чиновниками, ни партвызыскания секретарям горкомов и председателям горсоветов не заставили местное партийное и советское начальство отказаться от пользования материальными ресурсами предприятий в личных целях.

Так, в городе Асбесте местный горком ВКП(б), возглавляемый Иваном Алексеевичем Кормиловым, приказывал руководству Ураласбокомбината перечислять деньги на «партийные нужды». В первой половине 1935 г. горком получил от комбината 10 707 руб. Асбестовский горсовет, в свою очередь, выносил решения и давал устные распоряжения (не без ведома горкома) о перечислении денег ему: на планировку города – 20 тыс. руб., на проведение призыва – 4400, на строительство лагеря Осоавиахима – 11,5 тыс., 12 тыс. – на строительство и оборудование дома отдыха партактива и т. д. Всего комбинат был вынужден раскошелиться более чем на 60 тыс. руб. Кормилов продолжал практику, проводившуюся предыдущим секретарём горкома Зайцевым. По указаниям Зайцева комбинат в 1934 г. отдал свыше 70 тыс. руб., из них 20 тыс. пошли на содержание горкома. Об этих поборах с комбината сообщила в августе 1935 г. газета «За индустриализацию» в статье под говорящим заголовком «Нахлебники на асбесте». Кормилов публикацию воспринял болезненно, назвав её следствием «отсталых мелкобуржуазных настроений» [\[21, л. 148\]](#) [\[21, л. 162-163\]](#).

Кормилов прекрасно знал о существующих в «империи товарища Кабакова» порядках и действовал исключительно в их рамках. Ведь с 1933 г. он сам являлся заведующим шахтой имени Калинина треста «Кизелуголь», с 1934 г. работал секретарём парткома «Средуралмедьстроя» и только в марте 1935 г. возглавил Асбестовский горком ВКП(б). Но на «сигнал» союзной газеты обкому нужно было как-то реагировать. Обком наказал Кормилова, вынес ему строгий выговор, и... вместе со всеми вызысканиями в декабре

1935 г. перевёл из Асбеста на ответственную работу в областной центр – заведующим отделом партийной пропаганды, агитации и печати Свердловского горкома ВКП(б) [\[21, л. 141\]](#) [\[21, л. 162\]](#) [\[9, с. 96–98\]](#). А вот управляющего Ураласбокомбината И. И. Максимушкина, который протестовал против этих поборов, за различные грехи решениями Асбестовского горкома и Свердловского обкома партии исключили из ВКП(б) и поставили вопрос перед трестом «Союзасбест» о снятии его с работы, что и было выполнено [\[21, л. 119\]](#) [\[21, л. 153–159\]](#).

В Первоуральске, наоборот, директор Динасового завода В. Е. Росман, секретарь парткома завода С. И. Михалёв и секретарь Первоуральского райкома ВКП(б) П. Н. Чернецов жили между собой дружно и помогали друг другу. В 1935–1936 гг. Росман из директорского фонда выдавал Чернецову и Михалёву крупные денежные суммы на лечение, командировки и другие нужды, за счёт средств завода закупил обстановку для их квартир. Директор бесплатно предоставил Михалёву, когда тот строил себе дом в Ревде, пять машин лесоматериалов (были списаны на жилищно-коммунальный отдел завода), передал из заводского сельхозкомбината ему в личное хозяйство коров. При поездках Чернецова в Москву Росман предоставлял ему для проживания свою московскую квартиру. Все трое нередко собирались за одним столом и выпивали. Чернецов вместе с председателем горсовета были прикреплены к заводскому ОРСу, откуда получали бесплатно продукты [\[28, л. 134–136\]](#) [\[23, л. 42\]](#) [\[23, л. 57\]](#) [\[23, л. 169–170\]](#). Михалёв в долгу не оставался и, когда заводские коммунисты начинали критиковать директора, вызывал их к себе в партком, называл дураками, шляпами и угрожал исключением из партии. Секретарь парткома закрывал глаза на некоторые действия дирекции. К примеру, на приписки в годовом отчёте завода по строительству заводских объектов (порой не существующих). Или на некоторые излишества, которые позволял себе за счёт завода директор: покупку более чем за 20 тыс. мебели для кабинета из кожи и красного дерева, приобретение на свердловской фабрике «Самоцветы» дамских брошей стоимостью в 1350 руб., персидского ковра за 1200 руб. и т. д. За счёт завода содержал свою квартиру (почти 700 руб. в месяц) и оплачивал услуги домработницы. В то время, когда рабочим задерживали зарплату. А средства, которые должны были идти на жилищное строительство (более 180 тыс. руб.), тратились на другие нужды, хотя жилищные условия рядовых работников были плохими (что признавал сам директор) [\[28, л. 137\]](#) [\[23, л. 15\]](#) [\[23, л. 30\]](#) [\[23, л. 58\]](#) [\[23, л. 82\]](#) [\[23, л. 150\]](#) [\[23, л. 164–166\]](#) [\[23, л. 194\]](#).

В январе 1935 г. завод перечислил райкому 4000 руб. на постройку дома отдыха Первоуральского райкома. В ходе проверки партконтроля выяснилось, что всего на райкомовском счёте в банке в том году числилось 36 тыс. руб., собранных с хозяйственных организаций. 17 с лишним тыс. из них были перечислены целевым назначением на этот дом, а вот на что были израсходованы остальные более 18 тыс., в райкоме ответить затруднились [\[28, л. 135–136\]](#) [\[23, л. 4\]](#) [\[23, л. 170\]](#).

Что касается Динасового завода, то его пуск в эксплуатацию должен был состояться в четвёртом квартале 1936 г. 29 сентября 1936 г. вследствие бесхозяйственности сгорел печной цех, хотя об угрозе пожара – что вытяжные трубы, из которых выходил раскалённый воздух, соприкасались с деревянной крышей и фермами печного цеха – работники предупреждали начальника теплобюро завода И. А. Фридлендера, но безрезультатно (Фридлендер получил выговор и, несмотря на то, что находился под подпиской о невыезде, однажды ночью скрылся в неизвестном направлении). А когда осенью 1937 г. комиссия главка Наркомата тяжёлой промышленности приехала принимать завод, то она вынуждена была констатировать, что завод к пуску совершенно

не готов: многие построенные объекты из-за низкого качества строительства уже пришли в негодность, а некоторые – просто-напросто отсутствовали. Ревизия, проведённая главком, выявила на заводе грубейшие нарушения финансовой дисциплины и хищения государственных средств [\[23, л. 54-55\]](#) [\[23, л. 89\]](#) [\[23, л. 98-101\]](#).

Ранее уже говорилось о том, что Пермский горком ВКП(б) в 1933–1934 гг. получил с порохового завода – Комбината «К» – 11 000 руб. Прямых данных о том, что подобная практика имела место и после «дела Пермской лечкомиссии», в настоящее время нет. Однако состояние, в котором пребывало строительство важного военного завода, а также масштабы расходов на собственные нужды заводской дирекции заставляют усомниться в отсутствии какой-либо материальной заинтересованности городских и областных властных инстанций.

Строительство Комбината «К», или завода № 98, велось в Перми с 1929 г. К началу 1937 г. на завод было израсходовано более 108 млн руб. Проведённая проверка показала, что непосредственно на строительство было затрачено более 72 млн, получено убытков 13 млн, часть средств пошла на материалы, оборудование и другие затраты, а израсходованные до 1933 г. 15,7 млн руб. ушли в неизвестном направлении [\[26, л. 230\]](#).

Директор завода А. Г. Малышев не экономил деньги, когда речь шла об удовлетворении материальных потребностей начальства. Не случайно по директорскому фонду 1936 г., ограниченному 100 тыс. руб., реальные расходы составили более полумиллиона руб. (567 тыс.). Ещё 300 с лишним тыс. руб. составил перерасход средств, выделяемых на административные расходы. Выписывались немалые премии начальству и их приближённым, к примеру, директорским шофёру и личному секретарю, начальнику ОРСа, заместителю директора по административно-хозяйственной части и т. д. На ремонт 14 начальственных дач было израсходовано 85 тыс., из которых 10,5 тыс. пошли на дачу Малышева, 30 с лишним тыс. – на дачу заместителя директора Михалёнка. Израсходованные якобы на совещания и заседания 2324 руб. в действительности были потрачены на коньяк и различные вина для Малышева и других. Без малого пять тыс. руб. получила жена Малышева якобы на организацию ёлки для детей. Невероятно огромная сумма – более 308 тыс. была выделена на содержание клубов, парткома, завкома и библиотеки, что на 154 тыс. (то есть в два раза) превышало установленный лимит. 72 тыс. ушли в 1936 г. на оплату командировочных расходов для 20 человек, в том числе 11 тыс. – Малышеву. Как правило, проживали в Москве в дорогих номерах по 75 руб. в сутки вместо полагающихся 17 руб. В командировках выплачивали частным лицам немалые суммы якобы за выполнение проектно-сметных работ, тратили на обеды, вина, папирсы [\[26, л. 176-177\]](#).

А что же сам завод? В 1937 г. состояние строительства проверялось как свердловским партконтролем, так и специальной комиссией Наркомата оборонной промышленности СССР. Выводы были примерно одинаковыми: большинство объектов оставались недостроенными и начали разрушаться, а пущенные в эксплуатацию объекты пребывали в незаконченном виде, с большими недоделками; весьма низкое качество строительных работ; тяжёлые бытовые условия для рабочих, нехватка жилья, что привело к большой текучести рабочей силы. Притом что денежными средствами строительство было обеспечено полностью, а строительных материалов было получено даже больше, чем требовалось по плану. Но часть материалов просто расхищалась: только в 1936 г. была выявлена их недостача на полмиллиона руб. [\[26, л. 182-183\]](#) [\[26, л. 186-187a\]](#) [\[26, л. 227-230\]](#), [\[26, л. 233-234\]](#).

Несмотря на специфику производства взрывчатых веществ, на заводе не проводились противопожарные мероприятия. На стройплощадке и рядом со складами готовой продукции валялись массы хвороста, лесоматериалы, опил, мусор, жидкое горючее и т. д. Пожарные подъезды отсутствовали. Только в 1936 г. было зафиксировано девять случаев возгорания: загорались два цеха, сгорела литейная мастерская, несколько раз загорался деревянный паропровод [\[26, л. 181-182\]](#) [\[26, л. 187a\]](#).

Партконтроль оценил бытовые условия рабочих как отвратительные, нетерпимые и недопустимые. Рабочие жили в бараках, каркасных домах и землянках. Бараки были старые, неоштукатуренные, крыши протекали, обрушающиеся потолки были подперты стойками. В них проживали почти 6 тыс. человек, в среднем на человека приходилось 3,25 квадратных метра. 661 человек проживал в 194 землянках: ветхих, низких, тёмных и сырых. Воду брали из водоразборной будки, находившейся на расстоянии 400–700 метров от жилья, и та поступала неочищенная и загрязнённая с Камы. Но в зимнее время водопровод часто замерзал, и воду приходилось носить с Камы за километр. Канализация отсутствовала, выгребные ямы вовремя не очищались, и нечистоты растекались по земле. Однако многие не имели даже такого жилья: 95 семей рабочих и 16 семей ИТР вовсе не были обеспечены жильём. Разумеется, на заводе была огромная текучесть кадров [\[26, л. 178-181\]](#) [\[26, л. 227\]](#).

Все эти проблемы не могли не видеть местные и областные властные инстанции. Однако Малышев не забывал платить за молчание. Секретарю парткома Колмогорцеву в 1936 г. была выплачена премия в 3,5 тыс. руб., он бесплатно обедал в столовой, жил на обустроенной даче. Вместе с директором часто устраивали застолья, ездили на охоту. Работники парткома тоже не оставались без внимания директора, даже техническим сотрудникам парткома были выданы 2,4 тыс. руб. 1400 руб. ежемесячно Малышев выплачивал редакции местной газеты, из которых 500 руб. шли редактору. Уполномоченный НКВД на заводе Радыгин знал и о растратах государственных средств, и о недостатках строительства. Но в середине 1936 г. из кассы заводоуправления он получил 500 руб. на собственные нужды [\[26, л. 171-172\]](#) [\[26, л. 177\]](#) [\[26, л. 215\]](#).

Из Москвы на завод приезжали проверяющие из порохового треста, Главхимпрома, Наркомтяжпрома. Однако если даже обнаруживали недостатки, то никаких мер не принимали. Малышев, разумеется, сложа руки не сидел, в том же 1936 г. перечислил из директорского фонда в главк на постройку санатория 18 тыс. руб. [\[26, л. 174\]](#) [\[26, л. 177\]](#).

Малышева всегда отличало умение налаживать контакт с начальством. Как уже говорилось, только в первом полугодии 1934 г. аппарат уполномоченного Наркомтяжпрома перечислил хозупру Свердловского облисполкома 20 тыс. руб. Должность уполномоченного и начальника инспекции Наркомтяжпрома по Свердловской области в 1932–1935 гг. занимал как раз А. Г. Малышев. А в марте 1935 г. Малышев тепло встречал в Свердловске замнаркома Г. Л. Пятакова: израсходовал почти 2,5 тыс. руб. из спецфонда на организацию его питания, преподнёс Пятакову в подарок мраморный портрет. Не случайно в сентябре того же года Малышев получил назначение директором строящегося порохового завода № 98 [\[26, л. 218\]](#).

В 1937 г. Наркомат оборонной промышленности был вынужден выделить очередную сумму, теперь уже на исправление дефектов в строительстве. Началось исправление стен, заливка новых фундаментов, замена перекрытий в ряде зданий основного производства и в котельной. Для улучшения жилищно-бытовых условий было решено в краткие сроки построить 15 стандартных домов повышенного качества, были выделены

средства на капитальный ремонт всего наличного жилищного фонда. Все эти работы проводились уже при новом руководстве завода [\[26, л. 233\]](#).

Строительство группы заводов «Уралэлектротяжмашина» (другие названия – Электромашина, Уралэлектромаш) началось в 1931 г., и к 1937 г. на него было затрачено около 26 млн руб. За эти годы строящееся предприятие не раз подверглось реорганизациям и переименованиям, в июне 1937 г. для руководства строительством и эксплуатацией Уральского турбинного завода и Уралэлектромашины был организован Уралтурбоэлектромашстрой. Проверивший работу предприятия свердловский партконтроль констатировал, что ни один объект промышленного и жилищно-коммунального строительства к тому времени полностью закончен не был. Несмотря на это завод работал, хотя с худых крыш прямо на рабочих и оборудование лилась вода, а отопительная система в цехах не функционировала (температура зимой опускалась до нуля градусов) [\[25, л. 151-152\]](#) [\[29, с. 163-164\]](#) [\[1, с. 22\]](#).

Основной продукцией завода была высоковольтная аппаратура и электропечи. Согласно отчётам, производственная программа по валовой продукции заводом выполнялась. Государство, тем не менее, от такого «выполнения» терпело одни убытки. Некоторых изделий завод не сумел выпустить ни одной штуки, других – выпустил единичные экземпляры, да и те часто оказывались негодными для эксплуатации. А выполнение по валу получалось главным образом за счёт сверхпланового выпуска более лёгкой в изготовлении продукции – некоторых типов разъединителей, а также электропечей. Однако выпущенные и высланные заказчикам разъединители не удовлетворяли эксплуатационным требованиям. То же самое касалось изготовленных электропечей: заказчикам приходилось доводить их до ума, что обошлось им дополнительно почти в 80 тыс. руб. [\[25, л. 149- 150\]](#).

Вообще парадность и очковтирательство были излюбленными методами руководства строительства и завода во главе с Иваном Михайловичем Пронем. Во время состоявшегося в конце 1936 г. VIII чрезвычайного съезда советов М. И. Калинину была вручена модель масляного выключателя типа ВМГ-22 под видом освоенной заводом продукции. Однако даже полгода спустя завод так и не сумел наладить выпуск этих выключателей. Тогда же, в декабре 1936 г., Пронь отрапортовал в областные властные инстанции о том, что «Уралэлектромашина добилась освоения производства впервые в СССР трубных электропечей, от производства которых отказались все мировые фирмы». На самом же деле эти электропечи не были освоены даже в июле 1937 г. Отчитывался Пронь и о выполнении планов по жилищному строительству, тогда как эти дома ещё долгое время оставались недостроенными [\[25, л. 133\]](#) [\[25, л. 148\]](#).

Жилищные условия рабочих свердловский партконтроль в 1937 г. назвал «совершенно нетерпимыми»: грязь, теснота, крыши протекали, печи дымили, зимой промерзали стены. Ввиду отсутствия воды многие умывались водой из луж и канав прямо на строительстве либо вообще не умывались. Баня находилась в полуразрушенном состоянии и способна была пропустить максимум 8–10 человек в час. Потому рабочие вынуждены были отправляться в бани, расположенные в других районах города. Как следствие – огромная кадровая текучесть и рабочей силы, и инженерно-технических работников [\[25, л. 135-137\]](#).

Куда же смотрело местное и московское руководство? Всё дело в том, что директор Уралтурбоэлектромашстрой И. М. Пронь не забывал одаривать начальство. За счёт завода рассылались продуктовые посылки первому секретарю Сталинского райкома Коссову,

заместителю председателя горсовета Корневу, председателю райсовета Власову, прокурору Сталинского района Шурову и другим. Различные подарки делались секретарю горкома Кузнецову и секретарю райкома Коссову. Такой директор завода был угоден «областным вождям», и не случайно Пронь на партийных собраниях заявлял, что ему в работе «крепко помогал» И. Д. Кабаков [\[25, л. 132\]](#) [\[25, л. 141\]](#).

«Выполнение» плановых показателей позволяло заводскому руководству тратить на своё материальное благополучие огромные суммы. Под предлогом снижения себестоимости и перевыполнения производственной программы на премии было израсходовано почти 200 тыс. руб. Директор Пронь получил 11 775 руб., его заместитель Аввакумов – почти 9 тыс., технический директор Гельцер – 21 720 руб., коммерческий директор Верещагин – 11 520 руб., и т. д. В 1936 г. был создан директорский фонд в объёме более полумиллиона руб., средства из которого в основном шли на обслуживание узкого круга людей – директора и его приближённых. Из этого фонда расходовались деньги на путёвки в санатории и дома отдыха (37 тыс. руб.), на денежные пособия под видом оплаты за дополнительную медпомощь и лечение (69 тыс. руб.), на постоянные места в театры (40 тыс.), на премии (13 тыс.). Самым «больным» из заводского руководства предсказуемо оказался директор Пронь, который получил «на лечение» 2800 руб. Большие суммы, от тысячи до двух, на те же цели получили его заместители и начальники отделов. Про вышестоящих Пронь не забывал: 10 тыс. руб. были перечислены в Москву, в Главэнергпром [\[25, л. 132\]](#) [\[25, л. 143-144\]](#) [\[25, л. 147-148\]](#).

Из директорского фонда на покрытие потерь по общественному питанию было выделено 218 тыс. руб., из которых 171 тыс. – на удешевление стоимости питания. Как показала проверка, под этой благородной вывеской со складов списывались огромные «потери» продуктов питания и различного имущества. Так, по одному только акту у кладовщика Акулова было списано более тонны муки, более полутонны мяса, почти 1,8 тонны сахара, 300 килограммов лапши, более 100 килограммов риса, 17 поросят и т. д. У кладовщика Виноградова были списаны 41 скатерть, 50 стульев, более двухсот столовых ножей, столько же вилок и т. д. В 1937 г. было списано продуктов и имущества почти на 25 тыс. руб. Всё расходилось по «своим людям». За труды кладовщик Акулов получил 300 руб. в виде денежного пособия «на лечение», его непосредственный начальник – заведующий складским хозяйством Бородулин получил 1300 руб. [\[25, л. 141-144\]](#).

Но и это ещё не всё. Для собственного премирования заводское начальство использовало спецфонд, из которого в том же 1936 г. Пронь получил 2753 рубля, Гельцер – 1500 руб., начальник административно-хозяйственного отдела Молев – 1750 руб., начальник железнодорожного транспортного цеха Медведев – 1100 руб., и т. д. Всего на премии из этого фонда было потрачено 43 тыс. руб. В первую половину следующего 1937 г. из спецфонда было израсходовано без малого 15 тыс. руб., из которых секретарь парткома Петров получил 1,5 тыс., заместитель директора Корнев – 1700 руб., и т. д. Из этого же фонда оплачивались некие «спецрасходы», отчётность по которым не предоставлялась. В частности, на «спецрасходы» деньги получала буфетчица Игонина [\[25, л. 142-143\]](#).

Учитывая размеры всевозможных премий и пособий заводского начальства, напрашивается вывод, что лояльность со стороны властных структур была обусловлена не только получением от И. М. Проня продуктовых посылок.

Обращает на себя внимание то, как директор пояснял ситуацию со строительством. В июле 1937 г. на вопрос ответственного контролёра свердловского партконтроля

Левковича: «Чем объяснить, что у вас ни один объект строительством не закончен?» – директор Пронь с цифрами в руках убеждал, что причиной тому недостаточное финансирование: «Основная причина неразвёртывания строительных работ состоит в том, что не получали своевременно ассигнования. Вот посмотрите, товарищ Левкович, свистопляску, которая шла по линии ассигнования строительства, обратите внимание, что делалось по линии капиталовложений» [\[25, л. 120\]](#). А получаемые заводским начальством высокие премии, в частности, выплаченные 21 тыс. руб. Гельцеру, Пронь объяснил следующим образом: «Это за два года. Коммерческий директор Уралмашзавода получил премии за 36-й год 26 тыс. руб.» [\[25, л. 111\]](#).

С серьёзным сопротивлением со стороны «областных вождей» столкнулся свердловский партконтроль, когда в 1936 г. начал проверку работы свердловского треста «Медсанстрой». Ведь начальник треста Василий Георгиевич Верёвкин пользовался у них большим авторитетом. Председатель облисполкома Головин на совещании строителей и на заседаниях президиума облисполкома ставил Верёвкина в пример как лучшего строителя, который выполнял план и снижал себестоимость строительства. Кабаков тоже считал его лучшим руководителем строительства в области. По указанию Кабакова «Уральский рабочий» вынужден был опровергнуть свою же собственную заметку от 8 сентября 1936 г. «Фигаро из Санстроа», где Верёвкин был показан не в лучшем свете: что получал сразу несколько окладов, ремонтировал себе за счёт строительства квартиру, а построенные объекты принимались с недоделками. Начальник треста призывал первого секретаря обкома вмешаться и приостановить проверку партконтроля. Но уполномоченный КПК К. И. Бухарин ближе к 1937 г. стал проводить более независимую от обкома политику. В январе и в феврале 1937 г. Кабаков был проинформирован партконтролем о махинациях в тресте, но на его отношение к Верёвкину это не повлияло. В марте на пленуме Свердловского обкома ВКП(б) Бухарин выступил с информацией о тресте, назвал Верёвкина жуликом и поставил вопрос о снятии его с работы и предании суду. Кабаков же прерывал Бухарина недовольными репликами, говорил, что 15 комиссий обследовали работу Медсанстроа и не нашли ничего преступного [\[24, л. 445-446\]](#) [\[24, л. 506\]](#).

В то же время итоги работы треста «Медсанстрой» были вполне очевидны. В 1936 г. трест должен был закончить строительство ряда медицинских учреждений – областной клинической больницы, акушерско-гинекологического института, фельдшерской школы, кухни-столовой, клуба, яслей медгородка, а также произвести капитальный ремонт туберкулёзного санатория на общую сумму 10,2 млн руб. Однако фактически выполнение плана строительства в том году в среднем составило всего лишь 60 %. Как установила проверка, убытки на строительстве исчислялись 1,5 млн руб., перерасход по зарплате составил более миллиона, по административно-хозяйственным расходам – 270 тыс. руб. Руководство трестом во главе с Верёвкиным составляло фиктивные акты с указанием завышенного процента выполнения строительных работ с целью получения дополнительных средств из Комбанка. Комбанк, не проверяя эти документы, переплатил тресту более двух млн руб. [\[22, л. 7\]](#) [\[24, л. 463-464\]](#) [\[24, л. 504\]](#).

Верёвкин завышал стоимость строительства и, вместе с тем, заменял стройматериалы против сметы на худшие и более дешёвые. Сданные объекты не только имели массу недоделок, создавали множество проблем при эксплуатации и требовали больших капиталовложений на устранение дефектов: надёжность конструкций тоже вызывала большие сомнения. Это, в частности, следует из заявления бывшего начальника строительства областной клинической больницы (в будущем – городская больница скорой медицинской помощи в Свердловске) инженера Мастакова. Заявление было

датировано сентябрём 1936 г. – то есть тем временем, когда Верёвкин был в силе и пользовался непререкаемым авторитетом у «областных вождей». Согласно этому документу, начальник треста Верёвкин заявил Мастакову, отказавшемуся производить монтаж арматуры для перекрытий больницы из бракованного металла: «Делай как-нибудь. Что ты боишься употреблять железо-недокат, что, тебе жить в этом здании самому что ли? Лишь бы сдать, а там наплевать». Мастаков ответил Верёвкину, что такие установки несовместимы со званием советского специалиста, за которого тот себя выдаёт. После этого инцидента Верёвкин перестал с ним разговаривать, а вскоре убрал Мастакова с должности начальника строительства. В заявлении строптивный инженер назвал эти указания Верёвкина установками врага [\[24, л. 14\]](#) [\[24, л. 308\]](#) [\[24, л. 313\]](#) [\[24, л. 453\]](#) [\[24, л. 461\]](#).

Зато местную власть такой начальник треста вполне устраивал. Верёвкин за счёт треста отремонтировал здание Ленинского райкома ВКП(б) города Свердловска и отдал райкому отопительный котёл (котёл предназначался для детских яслей в Ирбите, в связи с чем открытие яслей было отложено), а секретарю этого райкома Носыреву подарил дорогое никелированное кресло. Дефицитный линолеум, предназначенный для областной больницы, был израсходован на квартиру председателя облисполкома Головина во Втором доме Советов, на кабинет заведующего облфинотделом Хороша и на квартиру его заместителя Быкова, на квартиру управляющего Свердловским отделением Комбанка Матюшина, а также на рабочие кабинеты Матюшина и его заместителя, на кабинеты председателя Свердловского горсовета Мизенко и его заместителя Федоренко, на квартиру самого Верёвкина и т. д. (после того как линолеум закончился, Верёвкин поставил вопрос о его отсутствии на строительстве). В начале 1936 г. Верёвкин отправил наркому здравоохранения РСФСР Каминскому, его заместителям Гуревичу и Конгенорину, начальнику капитального строительства наркомата Гольденбергу и инспектору Малиновскому комплекты именных кресел и тумбочек. Такие же были изготовлены и подарены И. Д. Кабакову и В. Ф. Головину, а заведующему Свердловским облздравотделом К. А. Коновалову достались кресло, тумбочка, вешалки и дорожный ящик [\[24, л. 446\]](#) [\[24, л. 454-457\]](#) [\[24, л. 483\]](#) [\[24, л. 490\]](#) [\[24, л. 508\]](#).

Но, наверное, не за кресла и тумбочки областное и наркоматовское начальство закрывало глаза на то, что у Верёвкина на строительстве в неизвестном направлении уходили многие сотни тыс. руб., а другие сотни тыс. тратились на личные нужды трестовского руководства, в огромном количестве исчезали различные строительные материалы, объекты стояли в недостроенном виде, а построенные и сданные в эксплуатацию медучреждения вскоре приходилось закрывать на капитальный ремонт. Что Верёвкин по-барски обеспечивал нужных ему людей, а тех, кто его в чём-то обвинял или критиковал, под разными предлогами увольнял [\[24, л. 313\]](#) [\[24, л. 445-464\]](#) [\[24, л. 505-511\]](#).

Верёвкин не раз бравировал своими контактами с Кабаковым. В частности, затягивая строительство детских яслей, он неоднократно заявлял, что если ему не увеличат финансирование относительно сметы на 100 тыс. руб., то он уберёт со строительства рабочих. При этом Верёвкин не скрывал, что такую установку получил лично от Кабакова [\[24, л. 65-66\]](#) [\[24, л. 303\]](#) [\[24, л. 382\]](#).

Чувствуя за собой поддержку, Верёвкин вёл себя весьма самоуверенно. Даже ревизионной комиссии Наркомата здравоохранения заявил: ничего я вам не скажу и справок не дам, идите и ищите сами, что вам нужно [\[24, л. 326\]](#).

Достаточно частые контакты Верёвкина с Кабаковым, указания Кабакова о завышении стоимости строительных работ, защита Верёвкина Кабаковым от посягательств партконтроля и от критиков при очевидных неудовлетворительных итогах работы треста, – всё это в совокупности указывает на материальную заинтересованность «вождя уральских большевиков» в деятельности Медсанстроя под руководством Верёвкина.

Как потом выяснилось, хваленый Кабаковым и Головиным начальник треста Верёвкин был закоренелым мошенником, в прошлом по этим причинам исключался из партии и имел судимость, что тщательно скрывал. Несколько лет, до 1927 г., он работал управляющим Уральским районом Акционерного общества «Транспорт», после чего был осуждён за бесхозяйственность и растраты к девяти месяцам лишения свободы и исключён из партии. Позже в партии восстановился. В 1934 г., работая в стройсекторе Челябинского облзу, сорвал план строительства МТС и растранил средства, но сумел сбежать в Свердловск и таким способом уйти от наказания [\[24, л. 326–329\]](#).

В Медсанстрое Верёвкин опирался на «своих людей», расставленных на ключевых постах в тресте и в стройсекторе облздравотдела. На место секретаря парткома ему удалось протащить своего старого друга Трубакова, специально для которого учредил должность коммерческого директора с большим окладом. Вся эта дружная команда под водительством Верёвкина занималась разворовыванием государственных средств [\[24, л. 325\]](#) [\[24, л. 369\]](#) [\[24, л. 450–453\]](#).

«Ведь лучше, когда друг-приятель сидит в плановом отделе, друг-приятель – в бухгалтерии, друг-приятель – в отделе снабжения, и попробуй любой отдел критиковать, конечно, директор Киселёв никак не позволит, – говорилось на городской партконференции об одном из кабаковских ставленников – директоре Свердловской мебельной фабрики, бывшем начальнике с Химстроя, откуда в своё время поступали гигантские суммы в городскую лечкомиссию. – Попробуй критиковать любого инженера и техника, которого директор любит, конечно, он не позволит. Поэтому директор Киселёв не только не давал критиковать, а если кто попробует критиковать из профсоюзных или партийных руководителей, то он сейчас же поставит вопрос о снятии. В результате этого в течение двух лет в профорганизации сменилось 18–20 человек, а в парторганизации – восемь человек руководителей». Кто же мог Киселёва «тронуть», если он чаще бывал в обкоме и горкоме, нежели на своём рабочем месте. И бросал все силы рабочих не на выполнение производственной программы, а на изготовление уникальных стульев и кресел для Кабакова и Кузнецова. «Выходит, что подхалим Киселёв брал индивидуальные заказы, а мебели, необходимой для населения, мы дать не могли», – заявлял фабричный столяр и парторг в одном лице, отчаянный борец с местными расхитителями Суворов. Зато Киселёв любил повторять: «Я поставлен Кабаковым», и эти слова были самой надёжной охранной грамотой от любой критики, любой ревизии [\[15, л. 117–118\]](#).

Следует отметить, что барская, роскошная жизнь всевозможного начальства протекала на фоне трудного, часто – невыносимо тяжёлого материально-бытового положения рядовых работников. Бараки для рабочих разваливались, жили в них в страшной тесноте и грязи. Средства на строительство, ремонт и благоустройство жилья для рабочих были предусмотрены и выделялись из Центра, но по воле руководителей заводов и трестов они расходовались на иные цели. Нередким явлением, если судить по документам, были обчёты рабочих при начислении им заработной платы, задержки с выплатами, перебои в снабжении продуктами и промтоварами. Промышленные объекты вводились в строй с недоделками, с отступлением от норм и правил, что в последующем препятствовало

выполнению производственной программы и даже нормальному функционированию предприятий, а также создавало тяжёлые условия труда для рабочих, приводило к заболеваемости, массовому травматизму и гибели. Из-за невыносимых условий труда и бедственного материального положения работники уходили с предприятий. Текучесть кадров крайне негативно сказывалась на реализации планов индустриализации на Урале.

Незаконные действия хозяйственных и партийных руководителей шли вразрез с провозглашаемым советской пропагандой образом коммуниста, с идеями равенства и справедливости. Они причиняли не только огромный экономический ущерб, но и наносили непоправимый репутационный урон, дискредитировали советскую систему власти в целом.

Библиография

1. Агеев С., Бриль Ю. Неизвестный Уралмаш: История и судьбы. 1933–2003. Екатеринбург: Уральское литературное агентство, 2003. 499 с.
2. Алексеев В. В., Гаврилов Д. В. Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 2008. 884 с.
3. Бакунин А. В., Бедель А. Э. Уральский промышленный комплекс. Екатеринбург: УрО РАН, 1994. 160 с.
4. Границы и маркеры социальной стратификации в России XVII–XX вв.: векторы исследования / ред. Д. А. Редин. СПб.: Алетейя, 2018. 722 с.
5. Моисеев Г. С. Цветная металлургия Урала (1917–1945 гг.). Екатеринбург: ПостМодерн, 2003. 232 с.
6. Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века / отв. ред. В. В. Алексеев. М.: Наука, 2000. 246 с.
7. Сушков А. Крах «империи товарища Кабакова»: свердловское руководство в политических водоворотах 1937 года // Веси. 2013. № 6. С. 46–84.
8. Сушков А. В. «Дело Свердловского облисполкома». Привилегированная жизнь «уральских вождей» в первой половине 1930-х годов // Свободная мысль. 2019. № 3. С. 91–106.
9. Сушков А. В. Руководители города Свердловска: первые секретари горкома ВКП(б)–КПСС (1932–1991), вторые секретари горкома ВКП(б) (1937–1950): историко-биографический справочник. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2007. 168 с.
10. Терехов В. С. Рекруты великой идеи. Технические специалисты в период сталинской модернизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2003. 245 с.
11. Тимошенко В. П. Урал в мирохозяйственных связях (1917–1941 гг.). Свердловск: УрО АН СССР, 1991. 148 с.
12. Урал в панораме XX века / гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург: СВ-96, 2000. 495 с.
13. Устьянцев С. В. Очерки истории отечественной индустриальной культуры XX века. Ч. 1. Уральский вагоностроительный завод. Нижний Тагил: Репринт, 2009. 415 с.
14. Фельдман М. А. Рабочие крупной промышленности Урала в 1914–1941 гг. (численность, состав, социальный облик). Екатеринбург: Уральский государственный университет, 2001. 429 с.
15. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 161. Оп. 6. Д. 104.

16. ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 29.
17. ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 31.
18. ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 32.
19. ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 35.
20. ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 100.
21. ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 237.
22. ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 299.
23. ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 321.
24. ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 344.
25. ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 356.
26. ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 1. Д. 359.
27. ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 181.
28. ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 2. Д. 693.
29. Шкерин В. А. Политика против экономики: реалии сталинской индустриализации на примере становления Уральского турбинного завода // Документ. Архив. История. Современность: сборник научных трудов. Вып. 18. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2018. С. 158–173.